

ДНЁМ РУБИВШИЕ ПРОСЕКИ, НОЧЬЮ БРЕДИМ СТИХАМИ...»: ВЕХИ СУДЬБЫ И ГРАНИ ТАЛАНТА ТАМАРЫ ШУЛЬГИ

Тамаре Шульге
– А что, на БАМе тоже... поэтессы?
– Представьте – да, встречаются и тут.
В мостоотрядах трудятся и трестах
И в щитосборных домиках живут.
На их щеках обветренная кожа,
Несут порой совсем неженский груз,
И руки их нисколько не похожи
На руки городских поклонниц муз.
Обычные для мест суровых люди,
Где от зимы так близко до зимы...
Работают, грустят, смеются, любят,
Но видят то, чего не видим мы...

(Н. Пузыревская)

Среди многочисленных имён бамовских авторов имя Тамары Шульги звучит как-то по-особенному. С самого начала в её стихах «отсутствовала барабанная риторика», так характерная для поэтов-бамовцев 70-х гг. прошлого века. Творческому почерку Шульги свойственны «спокойная интонация, вдумчивость, филигранная форма, запоминающиеся поэтические образы», её миниатюрные стихотворения так похожи «на слепки состояния души или на моментальные фотографии» (И. Игнатенко).

Истоки этого спокойно-умиротворённого отношения к жизни, пристально-несуетливого взгляда на мир – в детстве, похожем на сказку. Тамара Шульга родилась 19 мая 1949 г. в с. Топольное Солонешенского района Алтайского края. Буйство красок Горного Алтая, любимые бабушка и дедушка с их потрясающей историей любви, доказывающей, что настоящие чувства не знают преград (свою будущую жену дедушка выкрал из богатой семьи, в которой работал батраком), пасака, собака, лошадь с жеребёнком – эти тёплые, нежные воспоминания о счастливом детстве Тамара Шульга бережно пронесла через всю жизнь. В автобиографическом рассказе «Том» (2004) она выразительными штрихами нарисовала портрет дедушки – доброго, чуткого, с хорошим чувством юмора. Невозможно удержаться, чтобы не процитировать один из фрагментов, когда на слёзный протест внучки-дошкольницы не называть собаку её именем – Томка – дедушка отвечал:

«– Да какая же ты Томка?! Ты у меня Тамара, вон какая глазастая! А у него хвост крючком, – дедушка смеялся, – а у тебя и вовсе нет, правда, лапы у него однако почище будут...

Я, продолжая всхлипывать, посмотрела на испачканные руки:
– Деда, у меня же не лапы, а руки...

– Конечно, если помыть, руки будут, а так... что-то больно на лапы похоже...».

О бабушке – верующей в Христа и рассказывающей о его рождении с такой интонацией, что внучка ни на секунду не усомнилась в правдивости её слов, – рождественская история «Шарфик для Иисуса».

Одно из самых сильных впечатлений детства – кони. Не случайно первый поэтический сборник Шульги назывался «Летящие кони» (1977). В её поэзии они стали символом совершенной внутренней свободы, страстной любви, рыцарской доблести и отваги:

Мне не надо звона злата.
Что наряды для меня?
Мне бы рыцарские латы,
черногривого коня,
да надежды луч над лесом,
да бунтующую кровь,
душу молодого беса,
волю, шпагу и любовь.
(«Мне не надо звона злата...»)

Бег коней подобен неумолимому бегу времени. «Летящие кони» – как годы, уходящие неслышно, незаметно: «Летящие кони, летящие кони, / летящие мимо года... / <...> / А кони летят в моём сне торопливом / без ржанья и стука подков...» («Летящие кони»). И, конечно же, кони – это символ детства: беззаботного, светлого, не омрачённого бедами и разочарованиями взрослой жизни:

Пусть будет лето,
дождь и солнце,
пусть конь пасётся на лугу
(хоть он не раз ещё споткнётся
потом – на бешеном скаку)...
Замри,
не надо слов, послушай –
всё будет после,
а пока –
пусть ходит девочка по луже,
как ангелок по облакам.
(«Пусть будет лето...»)

Писать стихи Тамара Шульга начала ещё в школьные годы, прошедшие на ст. Заринская (ныне г. Заринск). В старших классах вместе с товарищами, увлечёнными литературой, (среди них – известный сегодня поэт Александр Ерёменко), выпускала рукописный журнал, выходивший в одном экземпляре. Кроме своих собственных стихов, в обычную школьную тетрадь ребята

переписывали каким-то чудом попадавшие к ним в руки произведения запрещённых тогда авторов.

В 1966 г. юная Тамара Шульга, ещё не осознав того, что её истинное призвание – литература, искусство Слова, поступила в Барнаульский строительный техникум, где получила специальность «Санитарно-технические устройства зданий». А могло ли быть иначе? Вряд ли. Ведь родители Тамары – люди далеко не творческих профессий: мама – врач, папа – автодорожный мастер. По окончании техникума она работала в проектно-институте «Алтайколхозпроект» и всё это время не переставала писать стихи, эмоционально переживая в них то, что обычно волнует молодых начинающих авторов: любовь, смысл человеческого существования и т.д. Впервые стихи Тамары Шульги были опубликованы в 1969 г. в барнаульской газете «Молодёжь Алтая».

В 1974 г. Тамара Шульга приехала в п. Тындинский, где работала инженером в управлении треста «Бамстройпуть». В 1980 из строителя «переквалифицировалась» в журналиста: трудилась на радио, в редакциях газет «БАМ», «БАМ-информ», «Авангард», «Квин». С 1999 г. Тамара Шульга – член Союза журналистов России.

На БАМ начинающую поэтессу привела не романтика, а необходимость: её тётя после смерти мужа и отъезда дочери на учёбу осталась совсем одна. «Приехала спасать от одиночества родного человека», – призналась Шульга в одном из интервью. Могла ли она тогда предполагать, что БАМ станет её второй родиной? В интервью газете «Амурский комсомолец» в 1986 г. она уверенно скажет: «БАМ для меня – это жизнь».

На суровой таёжной земле случилось то, что рано или поздно должно было случиться: рождение поэта, имя которого в своё время было хорошо известно советскому читателю. В годы строительства магистрали стихи Тамары Шульги нередко звучали на Всесоюзной радиостанции «Маяк» в передаче «Песни на просеках», публиковались в центральных периодических изданиях – в газете «Комсомольская правда», в журналах «Огонёк», «Юность», «Современник», «Советская женщина», а второй по счёту сборник стихотворений «Майский снег» (1984) вышел в московском издательстве «Современник». Сегодня Тамара Шульга – член Союза писателей СССР (1988), лауреат премии Амурского комсомола в области литературы и искусства. За её плечами многочисленные заседания (в том числе и самое первое, состоявшееся 5 октября 1974 г.) литературной студии «Звено», ставшей для неё, как, впрочем, и для многих других бамовских авторов, великолепной литературной школой, три общетрассовых семинара молодых писателей БАМа, участие в VII Всесоюзном совещании молодых писателей в Москве (1979), обучение в Литературном институте им. М. Горького (1982–1988).

Возможно, кому-то это покажется удивительным, но в творчестве известной бамовской поэтессы, награждённой медалью «За строительство Байкало-Амурской магистрали» (1979) и знаком ЦК ВЛКСМ «За активное участие в сооружении Байкало-Амурской магистрали» (1984), стихи о БАМе

– большая редкость. По этому поводу И. Игнатенко писал: «...мы не найдём у Шульги живописаний стыковок «серебряных» и «золотых» звеньев, картин «покорения» природы, парадных репортажей и портретов бамовских знаменитостей» по той простой причине, что «её главное правило <...>: не писать о том, чего не знаешь и чему не был свидетелем».

БАМ для Шульги – это любимый город и друзья–градостроители.

И в жизни, и в творчестве отношения с Тындой складывались по-разному. Холодные бамовские зимы не раз подталкивали Тамару Шульгу к тому, чтобы вернуться на родину. Сегодня столица БАМа для неё – «это единственное место, где она чувствует себя, как дома, и единственный город, за который болит сердце» (из интервью газете «Амурский комсомолец»). В творчестве Шульги «город таёжный», «город метельный» впервые возник на страницах сборника «Майский снег» (1984). Лирическая героиня стихотворения «Тында» любит молодым, красивым городом, выросшим у неё на глазах, и только с ним связывает своё будущее:

Да, нам бывало тут несладко:
гас свет, и не было тепла...
И вся-то радость, что палатка
в осенний день не протекла.
И вот он – настоящий город,
до туч лохматых этажи,
где мы с тобой светло и гордо
сто лет, не меньше,
будем жить...

Строителям БАМа посвящён раздел «Друзьям» из следующего после «Майского снега» сборника «Свет на ладони» (1986). Одно из самых эмоционально сильных, волнующих стихотворений цикла – «Прощание». Кто только из бамовских авторов не писал о расставании с друзьями молодости, возвращающимися после укладки «золотого» звена в родные края?! Но только Тамара Шульга рассказала об этом так откровенно, почти обнажив перед читателем душу, заставляя и его пережить нестерпимую боль разлуки:

Словно с телом душа расстаётся,
убегает земля из-под ног, –
уезжают друзья.
Остаётся
память пройденных вместе дорог.
<...>
Я прошу: улыбнись на прощанье,
раствори в моём горле комок.
До свиданья, родной, до свиданья...
Убегает земля из-под ног.

Самый объёмный раздел, давший название всему сборнику, – любовная лирика.

Любовь у Шульги подобна внезапно наступающей человека стихии, которой невозможно противостоять:

А что любовь?
Всего лишь дождь.
Короткий дождь в начале лета,
которого всю зиму ждёшь
и сам не ведаешь про это.
Бывает гром и молний блеск,
и ветры стонут и гудят,
и неба рухнувшего треск...
А после – тихий шум дождя.
(«А что любовь?»)

Для лирической героини бамовской поэтессы, способной любить «до немоты», «до одури хмельной», так же как и для героини ранней Анны Ахматовой, любовь всегда – «мука», «казнь», «пытка»: «И пусть другая будет другом / и бесконечно дорогой. / Но разве на такую муку / позволишь ты идти другой?» («Не сравнивай меня с другими...»); «Любовь... ну это ли не пытка? / Добра в ней больше ли зла?» («Ну вот... Бессонница готова...»); «Самой себе с весёлым чувством / внушить и верить – / всё прекрасно... / Да, это было бы искусством, / когда б не обернулось казнью» («К стеклу горячим лбом прижаться...»).

Но, если героиня знаменитой предшественницы Шульги противится любви как року и, проявляя волю и характер, вступает в поединок с самим любовным чувством, то лирическая героиня бамовской поэтессы, осознавая стихийную природу любви, не пытается ей противостоять:

Ты прав...
И мы за всё заплатим.
Любой цене не удивлюсь.
Хватили счастья –
Горя хватим...
Я знаю всё
И не боюсь,
Не каюсь –
Было бы нелепо,
Когда так щедро нам дано,
Любить болезненно и слепо.
Любить!
А после – всё равно.
(«Ты прав...»)

Означает ли это смирение, что лирическая героиня Шульги слаба, бесхарактерна? Вряд ли. Сила её – в умении расстаться достойно, перешагнув через себя ради счастья и душевного спокойствия любимого человека:

Давай друг друга отпустим,
как птиц отпускают из клетки:
дверцу открыл
и пусто,
только качнулись ветки...
Без объяснений горьких,
без осложнений мнимых,
как отпускают немногих,
как отпускают любимых...
Давай сэкономим друг друга
от боли, измены, грусти.
И там, за чертою круга,
давай друг друга отпустим...
(«Давай друг друга отпустим...»)

Героиня Шульги мужественно переносит все трудности, понимая, что только через любовь-муку человек может познать себя, свою сущность, свои возможности: «И ничего, что не навек / что путь был долог и безбожен, – / но я узнала: / человек / быть без любви собой не может. / И стало ясно мне сейчас / под этот стук дождя по крыше, / что я всю жизнь любила вас / и шла на свет» («Благословляю день и час...»). Любовь-мука неожиданно оборачивается любовью-спасением, а потому лирическая героиня, несмотря на горький исход отношений, всегда благодарна своему возлюбленному за подаренные мгновенья счастья: «Спасибо, мой милый, нежный... / Не всем так везло отчаянно / на нашей планете грешной» («Спасибо, мой милый, нежный...»); «Благодарю тебя за лето, / нежданно полное чудес, / когда кружилась так планета, / что на ветру склонялся лес» («Благодарю тебя за лето...»). Кстати, здесь напрашивается параллель уже с другим любимым поэтом Шульги – Александром Блоком, герой ранней лирики которого прозревает, только благодаря любовному испытанию: «Чем больней душе мятежной, / Тем ясней миры».

Мотив «добровольного мученичества» собирает воедино стихотворения «Волшебной струны» – раздела, посвящённого теме поэта и поэзии:

Кисти, краски возьми –
и выложись...
Будь ты проклята, моя живопись!
<...>

А мне жить иногда не хочется
в этом самом процессе творчества.
Но так было. И вечно будет.
Жить без красок
не могут люди.
(«Признание художника»)

Своими размышлениями о том, что быть поэтом – это тяжкий крест, от которого невозможно избавиться, Тамара Шульга делилась с Игорем Игнатенко в одном из писем: «Иногда устаю так, что начинаю подумывать, а не избавиться ли от стихов? В конце концов, большинство женщин живут и здравствуют без этих мук. Даже уже пыталась, но тогда я перестаю быть собой и вообще быть человеком».

В четвёртый сборник «Осенняя мелодия» (2004) помимо стихотворений вошли ещё и рассказы. Первые, но вполне уверенные шаги по направлению к малой прозе Тамара Шульга сделала ещё в конце 80-х годов. До выхода в свет долгожданной «Осенней мелодии» публиковалась на страницах периодических изданий. Рассказы Шульги – «такие же миниатюрные, как и все её стихи» (И. Игнатенко) – во всём остальном не имеют ничего общего с её поэзией: стремительно развивающееся действие, добрый юмор, а главное, разнохарактерные персонажи – живые, настоящие, непридуманные. Невозможно не улыбнуться, читая историю о Филаретовне («Хобби»), речь которой усыпана языковыми «перлами»: «шизохренник» (шизофреник), «опис» (офис), «ультимат» (ультиматум) в значении «матерная лексика» («Мишка кроет меня ультиматом»), «автобас» (автобус), «совбез» (собес) и др. Равно, как нельзя остаться равнодушным к судьбе Ленки из одноимённого рассказа – девочки-подростка, оказавшейся после замужества матери лишней в «новой» семье.

Очевидные успехи поэтессы в одном из прозаических жанров И. Игнатенко прокомментировал так: «Наверное, именно этот жанр помог найти способ рассказать о том, что ну никак не отвечает её творческому методу в поэзии».

Сегодня, находясь на заслуженном отдыхе, Тамара Шульга продолжает писать и публиковаться. Последнее десятилетие – это новый этап в творчестве поэтессы. Теперь лирическая героиня её стихотворений жаждет домашнего тепла и уюта («Благословенны сентябри / Вдали от города, на даче, / Когда огонь в печи горит / И тихо лес листвою плачет», «Благословенны сентябри»), находит радость в мелочах («Мне нравятся рыжие дети / И нравятся рыжие кошки, / Люблю, чтобы рыжее солнце / Заглядывало в окошки... / И очень люблю апельсины, / И мандарины... немножко», «Оранжевое настроение»), не желает отпускать лето («Уже сентябрь разливает краски, / Свернуло лето ласковые сказки, / А я вовсю ещё ловлю губами / Вкус августа, пропахшего грибами», «Бабье лето») и всё чаще размышляет о том, что – впереди («Мой милый постаревший пёс, / Не знаю сколько нам осталось... / В твоих глазах всегда вопрос, / В моих – тоска

или усталость», «Пёс»). С сожалением лирическая героиня Шульги признаёт: «Мой лифт на верхнем этаже» («Я знаю, что такое боль...»). Так просто и в то же время оригинально сказано о той поре человеческой жизни, когда молодость уже далеко позади, а зрелость на исходе.

Лирика 2000-х гг. – это познание поэтессой не столько себя, сколько мироздания, размышления не столько о Времени, сколько о Вечности. Пространство поэтического мира поздней Шульги становится разомкнутым. Лирическая героиня начинает задумываться об исчезнувших цивилизациях, её взор нередко бывает обращён в чистое небо, где дожидается «молчаливый ангел» («Ангел-хранитель»), а «душа, подвластная инстинктам древним, / острее воспринимает даль и высь» («В февральском ветре что-то есть весеннее...»). Впрочем, обо всём расскажет стихотворение «Вечность»:

Декабрьское море светилось, как летнее.
Как летнее, галькой призывно шуршало...
И ластилось к берегу тысячелетнему,
И этим любовь его разрушало.

А берег был счастлив, скалист, неприступен,
Держал кипарисы на сильных ладонях.
И думал, что он никогда не отступит,
А если отступит – то море догонит.

И тайны исчезнувших цивилизаций
Они сохраняют, как и прежде бывало:
Холодные волны на берег ложатся,
И в море уходят деревья и скалы.

Как и следовало ожидать, новое содержание потребовало новой формы. Случилось то, к чему в последние годы так стремилась Шульга. И. Игнатенко она писала: «Я всё делаю попытки вырваться из своих восьми строк...».

Да, со временем многое изменилось в творчестве бамовского автора. Но осталось неизменным твёрдое убеждение в том, что жизнь продолжается вопреки всему: «А на дворе опять весна! / Уже оттаяла скамейка, / Качает лапами сосна, / Ей солнце служит душегрейкой» («Пёс»). Очень хочется верить, что этот оптимистический настрой ещё долгие годы будет сопровождать Тамару Шульгу – талантливую поэтессу и прозаика – и в жизни, и в творчестве.

*Назарова Ирина Сергеевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры литературы
Благовещенского государственного
педагогического университета.*